18 СЕН 1986

ЛЮДИ ИСКУССТВА

И плюс вся прожитая жизнь

Николай Губенко готовится к съемкам нового фильма. Есть рабочее название «Запретная зона». («Название, наверное, будет другим. А может, это оставлю?.. Думаю...»). Есть литературный сценарий. («Не окончательный вариант... Буду переписывать!»). Уже намечены места съемок. («Ивановская область...»,— раскладывает передо мной вереницу фотографий. «Или вот — Калининская... Этим летом несколько раз ездил туда... Смотри, какая деревушка... А вот... Обрати внимание на плакат: «У колодца распивать водку запрещается!» Ну поди, придумай такое... А вот еще смотри... Эх, жаль, снимки невыразительные!.. Лучше так расскажу! — к моему огорчению, забирает фотографии, убирает в стол.— Я ведь фотограф неважнецкий»).

Весь этот разговор проходит в преддверии читки сценария. («Вообще-то, знаешь, я вслух читаю редко. И в основном Жанне. Уж если мучать кого своим творчеством, то жену, верно? Но раз не возражаешь, прочту тебе... Я ведь себя профессиональным сценаристом не считаю... Только, если будет неинтересно, сразу скажи!.. Я не обижусь...»).

...Странный портрет возникает, однако. Непривычный для читателя и зрителя, составивших себе образ Губенко по ролям, сыгранным им в кино и на сцене.

Мускулистое, крепко сколоченное тело. Твердый взгляд. Улыбка — озорная, иногда — дерзкая, иногда — скептическая... Четкая, ясная речь. Красивый голос. Короче, сильный, уверенный в себе человек!

В общем, это так. Неуверенность ему чужда, но не сомнения... Те, кто знает его близко, подтвердят, что сомнения всегда свойственны его характеру, особенно во время работы. Может, поэтому и работает так медленно. Каждый фильм — четыре года.

Вот и этот, не снятый еще, был задуман давно. Он рассказывал мне о замысле:

— Представь: стоит дачный поселок. Чистенький, аккуратный. Каждый домик невысоким забором обнесен... Все в поселке друг друга видят, знают, вежливо общаются... А приглядишься, понимаешь, что построен тут еще один забор... Невидимый, но огромный. Забор от жизни... То есть жизнь их видит, а они — нет. Нет щелей в этом заборе... А перелезть страшно — солидность, «положение» не позволяют... В общем, комедию сочиняю. Злую...

Сценарий был вскоре написан. Даже «окончательное» название придумано: «Волков бояться — в лес не ходить!»... Потом, как всегда, автор засомневался... Потом сама жизнь изменила судьбу сценария, заставив все увидеть иначе: объемнее, трагичнее...

Несколько лет назад над Волго-Вятским районом страны пронесся смерч. Были сильные разрушения, человеческие жертвы... На третий день после случившегося Губенко выехал в зону бедствия. Провел там несколько недель. А вернувшись, сразу сел писать новый сценарий...

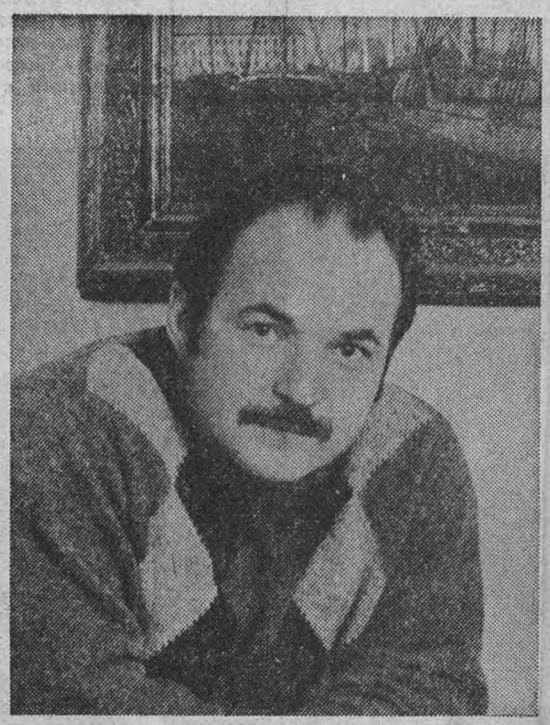
— Понимаешь, что меня поразило? Не внешние приметы катастрофы, не разрушенные дома, перевернутые грузовики, деревья, вырванные с корнем... Хотя все это, конечно, ужасно... Поразило, как за две минуты смерч прошелся по характерам людей, по их взаимоотношениям... Уцелело, оказывается, только подлинное, вековое, истинно нравственное... А все показушное, лепившееся годами на дешевом словесном клею, на вранье и сентиментальных соплях,— все развалилось... И вот теперь вопрос: что и как восстанавливать? И все ли нужно восстанавливать?! Ведь, как это ни страшно звучит, ураган, кроме огромных разрушений, принес еще и некое «очищение»... В душах некоторых людей, во всяком случае... Вот про это сейчас и пишу...

— А не жалко готового сценария? Ведь столько работал.

— Да шут с ним! Смерч и не такое унес...

Это он говорил тогда. Сегодня, сличая сценарий, я понимаю, что не все им перечеркнуто в задуманной давно работе. Волновавшая тема перешла в новый сценарий, став одной из важнейших составных его частей.

Есть район бедствия. Есть «запретная зона», в которой идут восстановительные работы. А рядом, на черте невидимой границы, случайно уцелел небольшой дачный поселок. Не такой комфортабельный, как в первом варианте сценария, поскромнее... Но все-таки... Как там жить теперь, когда рядом у людей нет крова? ...А с другой стороны, что ж теперь делать? Не отдавать же дачи, построенные на честно заработанные деньги? Да и никто вроде не требует... Да и не решение это вопроса... Государство должно помогать, на то оно и мощное государство... А все-таки?.. В чем лично твоя ме-



ра сострадания?.. Словами посочувствовать? На телевизор пригласить?.. Поселить в своем доме чужую семью?..

Мучается над этими вопросами интеллигентный человек по фамилии Неклесов. Мучается, понимая, что нет на них однозначного ответа, что самому решать, как далеко заходить в «запретную зону». А когда Неклесов, ломая сопротивление жены, приводит в дом деревенских стариков Прохоровых, начинаются новые муки... Ибо старик Прохоров горд и просто временным приживалой жить не согласен. Он дружбы требует, этот чертов старик, почти родства... Чтоб не только есть-пить вместе, но и петь... И душевно породниться... А иначе ему лучше в лесу ночевать!..

Эти сцены, как и лучшие сцены прежних фильмов Губенко, сделаны с сочным юмором, с озорством. (Я пишу «сделаны», забывая, что это все еще не снято. Но читает он в лицах великолепно, уже сейчас наделяя каждый характер точными индивидуальными черточками). Впрочем, сомнения не оставляют:

— Мысль ясна?

— Ну, конечно.

— Нет, смотри, как это можно записать просто и точно. Вот! В дневниках Толстого,—откладывает сценарий, открывает книгу.—Послушай... «Мы все оправдываем себя, а нам, напротив, для души нужно быть, чувствовать себя виноватым. Надо приучать себя к этому. А чтобы было возможно приучить, надо радоваться случаю, когда можешь признать себя виноватым...» И вот дальше: «Нравственность не может быть ни на чем ином основана, кроме как на сознании себя духовным существом, единым со всеми другими существами и со всем. Если человек не духовное, а телесное существо, он неизбежно живет только для себя, а жизнь для себя и нравственность несовместимы...»

Я не критик, не киновед, не мне разбирать творчество товарища. О его фильмах написано достаточно много статей. (Недавно вышла очень интересная книжка Л. Аннинского, в которой работы Губенко подверглись глубокому анализу). И все-таки рискну утверждать, что этот мотив, эта тяга к единению «со всеми другими существами и со всем» звучит в каждой его картине. Страстно ищут этого духовного единения опаленные судьбой мальчишки в «Подранках». Страстно мечтают о нем старики, оказавшиеся на другом краю жизни в фильме «И жизнь, и слезы, и любовь». Тоска по истинному единению пронизывает и картину «Из жизни отдыхающих», эту наиболее строго оцененную критикой и недооцененную зрителем ленту. Мне лично она очень нравится. Не только за ее жанровую близость (вот уж где все оттенки юмора: от беззаботной шутки до гротесковых шаржей, страшных своей узнаваемостью с реальными людьми), нравится за то, что жизнь в этой комедии не выпрямлена в забавный сюжет, а исследуется так, как она и идет, а вернее сказать, «переваливается» день за днем в неуютном доме отдыха дождливой осенью... Случайно собравшись на короткий срок вместе по профсоюзным путевкам, люди и здесь в первую очередь ищут духовной близости, но, не зная (разучившись?), как ее находить, подменяют ее всякой ерундой: пустой болтовней, сплетнями, пошлым флиртом и уже откровенной «глухой» пьянкой... А потом одиноко сидят и печально смотрят в холодную морскую даль, словно ждут, что вдруг появится всезнающий «некто», который четко и ясно разобъяснит, что и как надо делать, как жить, как отдыхать...

«В плотном тумане, по раскисшей проселочной дороге шел человек в телогрейке. В одной руке был горящий пиропатрон, в другой — длинный шест, которым он усердно прощупывал разбитую, сплошь в лужах колею. За проводником осторожно ползла колонна грузовиков, пригнавшая первую партию вагончиков для жилья. В кабине первого грузовика сидела Вера Андреевна Третьякова и, вглядываясь в спину проводника, подсказывала водителю:

— Левее... Правее...»

Это из сценария. Так в будущем фильме должна появиться Третьякова, заместитель председателя райисполкома, руководитель районной комиссии по ликвидации последствий стихийного бедствия. Самый главный, самый сложный персонаж... Почему «главный», понятно: и по служебному положению, и по сюжету этой женщине решать тысячи неотложных вопросов, распределять материалы, уточнять задания военному стройбатальону, ежесекундно общаться с людьми, усталыми, раздраженными... Ей дано право командовать, ее обязанность отчитываться и перед подчиненными, и перед начальством... В этом сложность ее работы. Сложность автора в том, чтобы в эту женщину поверили, и не только персонажи фильма, но в первую очередь зрители.

— Кто ее будет играть? — на всякий случай спрашиваю я, хотя, конечно, догадываюсь, что роль задумана для Ж. Болотовой.

— Пока не знаю... Правда, не знаю... Может быть, Жанна, а может быть, нет... Она сама боится штампа «положительного персонажа»... Кино и телевидение уже выработали стереотип. Знаешь, эдакий «типичный облик героя районного масштаба»—прорезиненный плащ, сапоги в грязи, усталые, невыспавшиеся глаза, «душевные беседы с людьми»... Все вроде так, да не так! Слова все научились говорить. Поступки нужны! Только поступкам люди верят... И поступкам, совершаемым не по обстоятельствам, а по внутреннему убеждению. Когда поступок тебе лично, может быть, и не выгоден, а не можешь иначе. Я сейчас продумываю эпизод. Он пока не записан в сценарии, но должен быть, чувствую... В селе Воздвиженском, в котором проходит действие, ураганом свалило не только дома, но и купол церкви... Церковь не действующая, заброшенная, склад там был... И комиссия по охране памятников твердо не решила — памятник это архитектуры или нет?.. Но только село, бездомные люди пришли к Третьяковой с просьбой помочь поставить купол на место.

— А она что?

— Думает... Понимает, что такой поступок может быть расценен кем-то из начальства как удар по антирелигиозной пропаганде. Но и понимает, что для жителей села церковь — символ, с которого и началось село... И без которого оно, село, не возродится, как прежде. Стоял купол сотню лет, должен стоять.

— Ну и что она решит?

— Она решит, что я решу. Я ведь тоже понимаю, кое-кто из редактуры набросится на этот эпизод... Все будет не так просто объяснять... Будут сложности...

— И все-таки. Что ты?!

— Думаю...

◇

Когда газета предложила мне написать о Николае Губенко, я с радостью согласился. Хотя и понимал, что большой, многокрасочный портрет у меня не получится. Не так уж близко я его знаю. Я не видел его во время съемок, но мы часто встречаемся, когда он готовится к ним... Об этом я пытался рассказать.

Художник продумывает материал, создает в своем воображении фильм. Придуманный фильм, в свою очередь, создает художника. Идет сложный процесс взаимного обогащения. Медленная, мучительная работа.

Вообще-то студией на «подготовительный период» к фильму официально дается всего три месяца. На «особо сложно-постановочные» — четыре...

Но, приступая к наиболее важным для себя картинам, режиссер не может не включать в «подготовительный период» всю свою прожитую жизнь, весь накопленный опыт и мысли, все, что наболело, выстрадано...

Именно в этот период сейчас и вступил Николай Губенко.

Григорий ГОРИН.

● *Народный артист РСФСР Николай Губенко.*

Фото В. Плотникова.